

Книга 1: Пробуждение волка

Глава 3

Восточная Лирия; июнь 1273 г.

Геральт на мгновение остановился у закрытой входной двери «Марипосы» и провел слуховую разведку интерьера таверны. Учитывая, что он находился в глухом городке, невозможно было определить уровень искушенности его клиентуры. Насколько он мог заметить, клиенты звучали подавленно. Он мог слышать только тихую музыку. Звуков пьяного разгула не было слышно. Конечно, это ничего не значило. Ведьмак знал, что многие люди в пьяном виде становятся тупыми, злыми и тихими, а не тупыми, злыми и крикливыми. Но независимо от типа пьянство, по его опыту, почти всегда означало неприятности – неприятности для него и, как правило, быструю, но мучительную смерть для них. Не то чтобы ведьмак боялся неприятностей. Он мог честно сказать, что не боится никого. Но он также был в тот момент своей жизни, когда просто хотел избежать ненужной драмы, если мог. У него просто больше не было на это терпения – если оно вообще было. Поэтому он почувствовал облегчение от того, что в таверне звучало спокойно. Спокойствие было хорошим.

Когда ведьмак вошел в таверну, головы нескольких посетителей, сидевших у входной двери, повернулись в его сторону, но, увидев двойные клинки на его спине, они быстро отвели глаза, на их лицах явно читалось беспокойство. Этого вполне устраивало убийцу монстров. Он не хотел никакой компании. Он только что провел последний час, счищая кровь виверны со своей брони и серебряного меча, и теперь, после успешного завершения своего последнего контракта, ему просто захотелось выпить пару порций водки, чтобы снять остроту. Надеюсь, водку пьют спокойно. Он осмотрел внутреннюю часть таверны. Слева от него был длинный бар, большая центральная комната, в которой располагалась сцена для нескольких музыкантов и где сидело большинство посетителей, а затем, в крайнем правом углу, задняя комната, которая была почти совершенно пустой. Без всякой светской беседы Геральт купил у бармена бутылку, направился к маленькому столику в тускло освещенном углу и сел спиной к стене, лицом к входной двери и остальной части гостиницы.

Геральт налил себе выпить и наслаждался горящим пламенем. Он оглядел посетителей в баре и быстро налил себе еще порцию. Затем он мысленно исправил свои предыдущие мысли у двери относительно обратной зависимости сложности от проблем. Ибо он знал, что фанатизм, ненависть и насилие свойственны не только глуши, необразованным или бедным. Некоторые из самых отвратительных людей, с которыми он когда-либо сталкивался, были самыми «искушенными». Сколько убийств, изнасилований, инцеста и обмана он видел в королевских дворах? Черт, большую часть времени бедняки были слишком заняты работой, просто пытались накормить стол, чтобы заниматься другими делами. Обычно только богатые и привилегированные люди – те, кто мог «позволить» себе свободное время – имели энергию даже для того, чтобы строить планы и создавать проблемы. Обычный человек – а ведьмак относил себя к этой категории – просто пытался преодолеть рутину «сегодня».

Геральт вытащил из внутреннего кармана трубку и кисет с табаком и начал методичную подготовку. В этом процессе было что-то расслабляющее, похожее на то, когда он точил мечи или варил отвары. Возможно, людям, созданным привычками, просто нравился распорядок дня. Геральт задумался, почему это так. Помогали ли ритуалы людям чувствовать себя в безопасности и контроле над ситуацией, или они просто позволяли им на несколько минут отключиться и забыть о постоянных жизненных стрессах? Он мысленно пожал плечами, закончил готовить трубку, а затем, легким щелчком пальцев, использовал Знак Игни, чтобы зажечь табак. Прежде чем он успел вдохнуть вторую порцию, ведьмак был прерван

самоанализом.

«Тайрон. Пожалуйста, не надо. Он тебя убьет».

Слова были произнесены приглушенным голосом, но Геральт без труда их расслышал. Примерно в пятнадцати футах он увидел женщину с прямыми каштановыми волосами цвета темного шоколада, свободно собранными в хвост. Она пыталась - и безуспешно - помешать решительному мужчине приблизиться к ведьмачьему столу. У мужчины было покрасневшее лицо, затуманенные глаза и топор в руке.

Белый Волк почувствовал немедленное желание убить вооруженного человека. Любой, кто настолько глуп, чтобы приблизиться к ведьмаку с обнаженным оружием, заслуживает смерти.

«Это все твоя вина, ублюдок», — прошипел человек с топором.

Теперь он вызывающе стоял по другую сторону стола Геральта. Ведьмак заметил, что его щеки покрыты слезами, и услышал, как громко колотится сердце мужчины.

«Конечно, это так. Это всегда моя вина». Монотонное признание Геральта, казалось, слегка смутило противника. «Что именно я сделал на этот раз?»

«Клара умерла из-за тебя».

«Ну, единственное, что я недавно убил, это виверна. Так что, если ты не назовешь ее Клара, я не понимаю, о чем, черт возьми, ты говоришь».

«Вы не могли просто принять контракт за 200 монет, не так ли? Вы заставили нас добыть еще пятьдесят монет, и за два дня, которые нам понадобились, чтобы это сделать, виверна убила ее. Клара потеряла свою жизнь за пятьдесят монет. ты, жадный ублюдок».

«Работа ведьмака опасна. Я рискую своей жизнью и делаю это не за дешево». Соблазн вытащить клинок и сразить человека стал сильнее в Белом Волке. «Кроме того, я вижу, ты вооружен. Тебе следовало убить зверя самому. Может быть, тогда... эта Клара была бы еще жива».

На мгновение мужчина выглядел так, будто его ударили физически, но затем взглянул на ведьмака.

«Ну, тогда я боялся. Боялся умереть. Мы все боялись. Но сейчас я не боюсь», — заявил мужчина со сталью в голосе.

— Хорошо, потому что я не боюсь тебя убить, — холодно ответил ведьмак. «Прежде чем мы начнем, один вопрос. Кем была Клара?»

Поведение мужчины внезапно изменилось. Он опустил подбородок на грудь. «Она... она была моей дочерью», — рыдал мужчина.

Долгих пять секунд Геральт пристально смотрел на сломленного человека. Затем его правая рука, готовая потянуться за мечом, сделала быстрое движение в воздухе, а затем снова опустилась на столешницу.

Горожане в остальной части бара наблюдали за происходящим в гробовой тишине. Даже музыканты перестали играть свою мелодию. Никто не мог услышать, что говорилось в дальнем

углу, но они знали, что их сосед скоро присоединится к своей мертвой дочери. Затем, к своему крайнему потрясению, они увидели, как Тайрон положил топор на стол, сел напротив ведьмака, допил рюмку, стоявшую перед ним, и начал спокойно разговаривать с Мясником из Блавикена. Через десять минут ведьмак встал, поставил бутылку перед мужчиной, быстро кивнул ему и вышел к входной двери.

Переступив порог и выйдя на ночной воздух, Геральт услышал позади себя тихий голос.

«Мастер ведьмак. Подождите. Пожалуйста».

Он повернулся и увидел приближающуюся женщину с хвостом. Она подошла ближе, и, убедившись, что ее руки пусты, он сосредоточился на ее лице. Первое, что поразило Геральта, был ее рост. Она была всего на несколько дюймов ниже его. Несколько распущенных прядей волос выбились из ее хвоста и обрамляли лицо. Увидев, как она протянула руку и заправила распущенные волосы за ухо, он заглянул ей в глаза. Он заметил, что они соответствуют цвету ее волос. В лунном свете они выглядели почти черными. Увидев маленькие морщинки в виде гусиных лапок возле ее глаз, Геральт предположил, что женщине около тридцати лет. На подбородке у нее был небольшой, едва заметный шрам, который сразу напомнил ведьмаку о Цири. Он мог уловить легкий запах ванили на женщине и понять, что она нервничает, по учащенному сердцебиению и по тому факту, что она слегка закусилла нижнюю губу. Он взглянул вниз и увидел, что на ней был фартук. Он не заметил ее, когда вошел, но предположил, что она официантка в таверне.

— Я, э-э... спасибо, — нерешительно сказала она.

Ведмак какое-то время пристально смотрел на женщину. Честно говоря, он не мог вспомнить, когда в последний раз слышал, чтобы кто-то говорил ему эти слова. За последние шесть месяцев он выполнил множество контрактов, но в конце каждого из них редко, если вообще когда-либо, получалась благодарность. И, честно говоря, Геральта это устраивало. Он сделал то, что сделал, не из доброты. Он был профессиональным ведьмаком. Ему не нужна была благодарность или лесть – только деньги. Он слегка кивнул головой официантке.

Буфетчица продолжила. «Последние несколько дней Тайрон был сам не свой. Его дочь убил этот монстр».

Он снова кивнул головой. «Я знаю», — просто заявил он, задаваясь вопросом, чего именно хочет от него эта женщина. Больше он ничего не добавил. Он просто еще раз посмотрел на официантку. Неуютное молчание никогда не беспокоило ведьмака. Фактически, он знал, что иногда они могут служить стратегическим оружием – полезным инструментом, позволяющим заставить людей сказать больше, чем они намеревались, просто чтобы заполнить тишину.

«Я... я видел, как ты успокоил его Знаком. Акий, верно?»

Ведмак нахмурил брови и еще ближе всмотрелся в женщину. Как, черт возьми, барменша в таком отдаленном районе могла знать о конкретных ведьмачьих знаках?

«Кто ты?» — спросил он, его подозрение теперь росло.

«Меня зовут Эви».

Ведмак слегка покачал головой. «Я не имею в виду ваше имя. Кто вы? Вы явно не простая барменша».

Глаза Иви расширились на долю секунды. «Мне очень жаль. Я... я не должна была беспокоить тебя», — пробормотала она. «Но... еще раз спасибо». И с этими словами она быстро направилась обратно в таверну.

Геральт мгновенно почувствовал противоречивые чувства. Часть его просто хотела запрыгнуть на Роуча, пойти по Пути и найти следующий контракт. Однако была и другая часть, которая была заинтригована женщиной. Что-то в ней не сходилось, и если что и нравилось ведьмаку, так это разгадывание загадок. Но, помимо тайны, он также осознавал, что его привлекает буфетчица, и это было тревожное чувство. Он не был с женщиной уже больше года, с момента смерти Цири.

И тут он почему-то вдруг вспомнил Весемира и одну из своих любимых фраз: «Геральт, не вмешивайся». Воспоминание о наставнике вызвало на его лице легкую задумчивую улыбку.

«Но именно это я и делаю, Босс», — сказал он себе, повернулся и исчез в темноте.

ooo

«Марипоса» пульсировала энергией. Смех и танцы наполнили бар, пока музыканты с энтузиазмом занимались своим делом – неистовой смесью барабанов и лютн, скрипок и флейт. Песня, очевидно, была популярна и хорошо известна посетителям, поскольку несколько раз на протяжении всей мелодии – как будто репетировали – все они подчеркивали дымный воздух радостными криками «Эй» и поднятыми кулаками, прежде чем быстро вернуться к своим напиткам, джигам, непристойные сказки и заезженная ложь. По мере того, как ликер лился, каждый посетитель, сознательно или нет, выбирал разные выходы, с помощью которых высвобождал сдерживаемую энергию. Были и те, кто преследовал противоположный пол и все, что с этим связано – покупка сладкого ягодного вина, нескромные взгляды на глубокие вырезы, обнажающие обильное декольте, тонкое опирание руки на предплечье и кокетливое подмигивание глаз.

Другие – в основном женщины – предпочитали медленно вспотеть на танцполе, в то время как за несколькими столами мужчины разных возрастов занимались армрестлингом, сопровождаясь как ободряющими криками, так и стонами разочарования, когда одно преобладало над другим. Были игры в кости, карты и дартс, а за пределами таверны делались ставки на то, как бойцы кровопролитно избивали друг друга в боях кулачных навыков. За каждым состязанием, независимо от его типа, немедленно следовал обмен денег из рук как участников, так и зрителей. Напротив, седовласый ведьмак сидел один, внимательно наблюдая за всеми праздниками, но не участвуя ни в одном. Он вернулся в таверну с другой целью.

Вечером в гостиницу входило все больше и больше посетителей. Посетителей было в четыре раза больше, чем прошлым вечером. Тем не менее, все они обошли Геральта, сидевшего за тем же столом в том же дальнем углу, что и накануне вечером, пошире. Никто не сидел ближе десяти футов от него. Он удивился очевидному увеличению числа клиентов в тот вечер. Это было не из-за группы, поскольку музыканты были те же, что и накануне вечером. Он решил, что это произошло просто потому, что он убил виверну, которая раньше терроризировала этот район. Он видел это бесчисленное количество раз раньше. После того, как он выполнил контракт, когда опасность миновала, коллективное напряжение и страх, охватившие город, испарились, уступив место сочетанию облегчения и веселья. Однако, подслушав некоторые разговоры, ведьмак обнаружил вторую и, возможно, более существенную причину ночного повышенного потока клиентов – сегодня был день зарплаты.

Раз в месяц городок наводняли все шахтеры из местных шахтерских поселков. Это произошло

потому, что пятнадцатого числа каждого месяца в город прибывал торговец металлами и минералами из столицы с пустой повозкой, сундуком, полным монет, и тяжеловооруженным эскортом. Он уходил с пустым сундуком и повозкой, полной ценной руды. Геральт сразу понял, что ему нужно быть особенно осторожным, потому что везде, где есть приток денег, неизбежно будет приток людей с сомнительной репутацией – грабителей, карманников, мошенников, карточных шулеров и еще чего похуже.

Геральт весь вечер надеялся на возможность вовлечь Эви в разговор. И хотя она время от времени приходила к его столику, чтобы «подождать» его, разговор она вела краткий, вежливый и профессиональный. «Мне очень жаль, но я не могу говорить. У меня есть другие клиенты, которых нужно обслуживать», — эту фразу она повторила, когда он попытался ее выманить. Он заметил, что в нескольких словах прокрадывался акцент, но он был настолько слабым, что он не мог его точно определить. Возможно, если бы ему когда-нибудь удалось вовлечь ее в разговор, который длился бы дольше пяти секунд, он бы смог это идентифицировать.

В середине вечера ведьмака застал разговор. В таверну вошел пожилой господин, весь в грязи и саже, заказал выпивку и подошел к ведьмачьему столу.

«Спасибо, что убил зверя, ведьмак».

Вот уже две ночи подряд он слышал эти слова благодарности. Это был рекорд. Геральт кивнул мужчине, узнавая его.

«Хотите поиграть в Гвинт?»

«Всегда», — ответил убийца монстров.

Мужчина сел, и, пока они разкладывали карты, разговор продолжился. «Вы завершили контракт вчера. Я удивлен, что вы все еще в городе».

Город назывался Тарсус и располагался у подножия Голубых гор, которые образовывали восточную границу региона Лирии. Два десятилетия назад старатели обнаружили в горах различные месторождения руды. По мере распространения новостей о ценном открытии в этом районе быстро появились шахтерские лагеря, а вскоре за ними последовал город Тарсус, чтобы поставлять шахтерам как товары, так и развлечения. Город существовал только потому, что существовала руда, и в тот день, когда руда перестанет существовать, быстро последует гибель города. Каждый горожанин и каждый шахтер знали это, и это знание наполняло сердце города дурным предчувствием.

Каждый человек просыпался каждое утро, задаваясь вопросом, будет ли сегодня тот день, когда руда наконец закончится. Потому что это было неизбежно. Руда не будет храниться вечно. А когда оно закончится, что они будут делать? Как они выживут? Эти невысказанные вопросы вызвали постоянный уровень напряжения среди населения региона, и большинство из них просто не знали, как справляться со стрессами жизни здоровым способом. Большинство в поисках облегчения прибегало к чрезмерному количеству выпивки, и это было одной из причин, почему таверна, в которой сейчас сидел Геральт, была одним из двух увеселительных заведений на маленькой заставе.

— Нас двое, — ответил Геральт.

Если бы не его интерес к загадочной Иви, он бы уехал из города накануне вечером. Большинство людей едва терпели ведьм и просто считали их неизбежным злом. Поскольку

ведьмаков обычно считали капризами природы и едва ли на одну ступеньку выше зверей, которых их наняли убить, после завершения контракта большинство людей хотели, чтобы убийцы монстров исчезли из их поля зрения. Обычно Геральт им подчинялся.

«Я удивлен, что ты захотел поговорить со мной», — продолжил ведьмак. «Большинство воспринимают мое присутствие как какашку в чаше для пунша — это не очень приветствуется».

Шахтер рассмеялся. «Да, ну, назовите меня любопытным. Я прожил более шестидесяти лет и никогда не разговаривал с ведьмаком. Много слышал о них, но никогда ни с кем не разговаривал. Подумал, что это может быть мой единственный шанс».

«И ты не боишься, что я безмозглый монстр, который хладнокровно тебя ударит?»

Мужчина протянул руку и почесал подбородок. «Нет. Я был здесь прошлой ночью. Видел тебя с Тайроном. Я не знаю, что было сказано между вами двумя, но я полагаю, что хладнокровный монстр даже не удосужился бы поговорить».

Геральт слегка кивнул в ответ на логику мужчины. Затем он посмотрел на стол и увидел карту Скорча, которую только что разыграл мужчина.

«Ну, ты почувствуешь хладнокровие, если будешь продолжать играть в эти карты Ожога», — пошутил ведьмак. «Зовут Геральт. Твое?»

«Анания».

«Совет, Анания. Если ты когда-нибудь встретишь другого ведьмака, а он не носит ни одного из них, — Геральт указал на свой медальон с волчьей головой, — то не приближайся к нему. Есть веская причина, почему ведьмаков считают бессердечные убийцы. В целом мы заслужили такую репутацию».

Шахтер кивнул. «Спасибо. Я прислушаюсь к предупреждению. Итак, чем ты отличаешься от других?»

Геральт на мгновение остановился. «Не совсем уверен», — ответил он, покачав головой. «По правде говоря, может быть, и нет», — подумал он про себя.

Пока игра продолжалась, мужчина заметил, как глаза Геральта следят за Эви через бар, и понимающая улыбка пробежала по его лицу.

«Красивая, не правда ли? Если бы у меня была хотя бы половина монеты, которую потратили в этом месте мужчины, пытающиеся привлечь ее внимание... конечно, когда они обнаруживают, что не смогут взглянуть на ее деликатесы, они идут в другое место. ...Они оказываются у Розы, где барменши продают не только выпивку и еду, если вы понимаете, о чем я».

— Да... я понимаю, о чем ты, — сказал Геральт, чей взгляд быстро переместился на шахтера при его упоминании об Эви. — Что ты о ней знаешь? — спросил он затем, кивнув головой в сторону Иви.

«Не так уж много. Она появилась в городе... может быть, два года назад. Она очень вежливая и уважительная, но не подпускает никого слишком близко. И я никогда не слышал, чтобы она говорила о своем прошлом. Но здесь это нормально. Большинство люди в Тарсусе пытаются сбежать от чего-то из своего прошлого, так что...» С этими словами мужчина пожал плечами и бросил на стол еще одну карту Скорча, что закрепило поражение Геральта.

Ведьмак посмотрел на карту.

«Похоже, мне не повезло... во многих отношениях. Лучше пойду».

Хотя Геральту было любопытно узнать об этой женщине, он хотел уважать ее частную жизнь. Он определенно не хотел, чтобы его считали помехой или, что еще хуже, преследователем.

ooo

Всю ночь Эви была полна противоречивых эмоций – с тех пор, как она впервые заметила, как ведьмак вошел в таверну. Главной эмоцией был страх. Боялась, что через два года ее личность будет раскрыта. Боялась, что о ее местонахождении сообщат. Боялась, что ее тайна будет раскрыта. Часть ее сожалела, что подошла к нему прошлой ночью. Но она просто интересовалась им. И, к ее удивлению, она также почувствовала тоску по тому, что нельзя было отрицать, что, хотя ведьмак был израненной и устрашающей фигурой, он также был весьма поразительным. Но больше, чем физическое влечение к ведьмаку, она просто хотела чувствовать себя в безопасности. Она больше не хотела бояться и верила, что если кто-то и сможет защитить ее, то это убийца монстров. Она не сомневалась, что в этом мире нет ничего, чего бы он боялся. Конечно, следующей ее мыслью было наказание.

« Перестань вести себя как глупая школьница, Эванджелина. Он ведьмак. Не рыцарь, ищущий какую-то девицу, чтобы спасти. И тебе все равно не нужно спасение. Ну, если только ты не говоришь о спасении от одиночества».

Эти внутренние дебаты продолжались большую часть ночи. В конце концов ее страх – она бы сказала «здравый смысл» – победил, и она отвергла все его попытки заговорить. Однако мысли о ведьмаке крутились у нее в голове весь остаток вечера, даже после того, как он покинул гостиницу, не взглянув в ее сторону.

ooo

Геральт был в седле, его кобыла двигалась медленным шагом. Последние три часа они направлялись на запад. Он полез в передний карман за трубкой, но рука оказалась пустой.

«Черт побери, Роуч. Должно быть, я оставил его в таверне».

Жизнь состоит из миллиона вариантов. На самом деле почти все они несущественны. И даже те, которые оказываются монументальными, могут показаться в данный момент совершенно неважными. Только когда кто-то взглянет на это решение задним числом – и увидит, что это одно из звеньев в длинной цепочке причинно-следственных выборов – его влияние можно будет полностью оценить. Геральту вот-вот предстоит пережить один из таких моментов. Он не знал почему, но почувствовал, что его тянет обратно в таверну.

« Это бессмысленно», — подумал он про себя, разворачивая Роуча. «Это всего лишь дешевая трубка, купленная за несколько оренгов. И она не имеет никакой сентиментальной ценности».

Тогда почему он почувствовал необходимость вернуться? Почему он просто не двинулся на запад, в город Лирия, и не купил там новую трубку? Он принимал решение, основываясь на каком-то «притяжении», которое он чувствовал внутри, а не на логике. И это противоречило всему, во что верил Геральт. Он считал себя человеком мудрым и зрелым – особенно учитывая, что ему было почти сто лет, и он считал, что мудрые и зрелые всегда основывают свои решения на рациональном, логическом мышлении, а не на чем-то еще. Эмоции, которые они чувствовали в тот момент.

Пока Роуч направлялся обратно на восток, Геральт продолжал заниматься самоанализом. Это решение вернуть трубку, конечно, не было рациональным, но действительно ли оно было основано на каких-то эмоциях или желании, или это было что-то еще? Он спросил себя, действительно ли он возвращается за трубкой или к Иви. Хотя он мог признать, что находил ее привлекательной, он, честно говоря, не думал, что возвращается из-за желания увидеть ее. Значит, это должно было быть по какой-то другой причине, верно? Конечно, Геральт прожил достаточно долго и достаточно хорошо знал себя, чтобы признать, что временами у него были «слепые пятна», когда дело касалось его навыков принятия решений в определенных областях его жизни – особенно когда дело касалось женщин. Как еще он мог объяснить Йеннифэр?

«Ну, Роуч, я думаю, мы не узнаем, о чем идет речь, пока не доберемся туда».

И он пустил своего коня галопом.

ooo

Из всех мыслей и эмоций, пронесившихся в голове Иви, самой главной было самообвинение. «Как я мог быть таким глупым?» — спросила она себя, когда на нее уставились четыре пары глаз. Во всяком случае, в последние два года своей жизни она всегда следила за тем, чтобы осознавать свое окружение и всегда иметь план побега. Что отвлекло ее сегодня вечером?

«Мы возьмем любую монету, которая у вас есть. А потом вы скажете нам, где владелец хранит свои тайники», — сказал лидер четверки, высокий, худой, как рельс, мужчина с крючковатым носом и длинными сальными волосами, касаясь его плеч.

Его звали Саул, и он был солдатом Ривии и Лирии во второй войне против Нильфгаарда. Однако правда заключалась в том, что он стал убийцей задолго до того, как надел форму. Свое первое убийство он совершил в тринадцать лет, в ту же ночь, когда потерял девственность, и в ту же ночь, когда он изнасиловал пятнадцатилетнюю дочь соседа. Он больше не был солдатом, потому что понял, что убивать ради себя гораздо приятнее, чем ради своей страны. Это приятнее и гораздо выгоднее. Он обследовал город и знал, что сегодня день зарплаты. Поэтому он также знал, что сегодня вечером касса будет намного полнее, чем в любой другой вечер в течение месяца.

«Я отдам тебе то, что у меня есть, но Стеллан всегда носит с собой ночные запасы». Беглый осмотр четверых мужчин показал, что все они были каким-то образом вооружены. «И он и его братья должны скоро вернуться и помочь мне запереться», — поспешно добавила Иви. «Тебе следует уйти до того, как они вернутся».

— Ох, ох, ох, мисси. Саул жестоко рассмеялся. «Ты даже не представляешь, как я рад слышать, как ты лжешь. Это значит, что в тебе есть огонь. Мне всегда больше нравится, когда они сопротивляются». Он улыбнулся Иви и продемонстрировал почерневшие гнилые зубы. «Стеллан снаружи, выпотрошенный. И у него с собой была всего пара монет, а это значит, что деньги все еще здесь. Видите, я не просто красивое лицо», — сказал он, постукивая по виску указательным пальцем. Затем улыбка быстро исчезла. «И братьев нет».

Он ударил Эви так внезапно и яростно, что она отлетела назад в бар, а затем рухнула на пол.

«Ищите повсюду», — приказал он своим людям, а затем поднял Эви за волосы. «А теперь давайте немного повеселимся». Он снова ударил ее, и ей показалось, что она почувствовала, как выпала пара зубов, когда металлический привкус крови наполнил ее рот. Удар в бок сломал два ребра, она вскрикнула и снова упала на пол. Удар в живот и еще два удара по лицу, и чернота начала закрадываться в ее поле зрения.

«Ты сейчас не такая красивая, но это нормально. Я просто нагну тебя, чтобы мне не приходилось на тебя смотреть. Мой папа научил меня, что нельзя смотреть на каминную полку, когда ты все равно ты разжигаешь огонь».

Саул рассмеялся своей шутке, а затем снова схватил ее за волосы.

Иви почувствовала, как ее поднимают с пола. Затем ее ударили лицом о ближайший стол, и она услышала звук рвущейся ткани, когда ее юбка отрывалась от ее тела. Почувствовав на себе руки этого подлого человека, она взмолилась: «Пожалуйста, помогите». По крайней мере, она надеялась, что потеряет сознание от боли и ей не придется бодрствовать, чтобы терпеть стыд этого человека внутри нее. Каким-то образом в этом хаосе она услышала, как скрипнула входная дверь, и внезапно руки мужчины покинули ее тело.

— Кто-нибудь нашел трубку?

Она не могла быть уверена, но ей показалось, что она слышала этот голос раньше.

Левый глаз Иви уже полностью опух, но правым глазом она могла видеть силуэт мужчины у входной двери таверны. Прошло три секунды – по ощущениям, три минуты. Все оставались неподвижными и молчаливыми, когда ведьмак вошел в комнату.

— Нет? Тогда я посмотрю сам.

Четверо бандитов в замешательстве переглянулись. Что, черт возьми, происходит? Кто станет заявлять об убийстве, грабеже, нападении и изнасиловании и просто спрашивать о трубке? У Саула хватило присутствия духа поднять Иви вертикально, почти как щит перед ним. Затем он вытащил нож и приставил его к ее горлу.

Одним своим здоровым глазом Иви наблюдала, как ведьмак направлялся в дальний угол задней комнаты. Фонари ранее погасли, поэтому теперь была полная темнота.

«Ну, Роуч, теперь мы знаем почему», — она могла бы поклясться, что услышала слова ведьмака, хотя слова, казалось, не имели для нее никакого смысла. С кем он разговаривал?

Четверо мужчин просто смотрели в темноту, все еще не понимая, что должно произойти.

Эви услышала шорох, исходящий от ведьмака, а через несколько мгновений темноту разорвало небольшое пламя, вылетевшее из кончиков пальцев ведьмака. Она мельком увидела его лицо, когда он закурил трубку, а затем оно снова поглотилось тьмой, когда он выдохнул. Клубы бело-серого дыма вылетали из задней комнаты наружу и вверх.

Тишина наконец была нарушена.

«Знаешь, сколько времени ведьмак тратит каждый день на уход за своими мечами?» его вопрос донесся из темноты.

Один из четверых автоматически покачал головой в ответ, а трое других попытались взглянуть в темноту. Казалось, все были загипнотизированы.

«Нет? Два часа. Мы затачиваем их каждый день, независимо от того, нужно им это или нет. Они настолько остры, что я мог бы сбрить шипы альгулу. Мы защищаем лезвия от крови, грязи, кислот – всего, что может вызвать коррозии. Мы покрываем их защитным маслом. Потому что это больше, чем просто инструменты нашей профессии. Нас с самого раннего

возраста учат обращаться с нашими мечами так, как будто от них зависит наша жизнь. Потому что так оно и есть».

В этот момент ведьмак вышел из темноты и приблизился к Эви и Саулу. Остальные трое инстинктивно образовали круг вокруг него. Иви заметила, как рука ведьмака сделала едва заметное движение рядом с ним, а затем внезапно почувствовала, как ее окутало теплое, уютное одеяло покоя. Она все еще осознавала свое окружение, но оно ее больше не беспокоило. И она заметила, что нож уже не был у ее горла.

Ведьмак глубоко затянул трубку, правой рукой вынул ее изо рта и медленно выдохнул.

«Итак... я не собираюсь пачкать свои клинки четырьмя дерьмовыми пятнами, как ты».

Он немедленно повернулся влево и вонзил трубку в глазницу мужчины, проникнув в его мозг и мгновенно убив его. Еще не успел бандит в свои шесть часов двинуться с места, как Геральт уже напал на него, плавным движением свернув ему шею. Когда труп падал на пол, ведьмак схватил его за одежду и потащил труп к пятну дерьма номер три. Оба тела кучей упали на пол. Геральт подошел к трупу с «трубочным моноклем», наклонился и поднял топор мертвеца. Он немного пошевелил запястьем, рассчитывая баланс маленького оружия. Он поднял глаза и увидел третьего мужчину, который только что высвободился из тела своего мертвого партнера. Быстрым шагом ведьмак метнул топор. Послышался звук, похожий на лопнувшую дыню, когда она вонзилась в грудь мужчины, и преступник упал на пол. Белый Волк медленно подошел к раненому и остановился над ним. С холодом в глазах он посмотрел на бандита, поднял ногу, а затем с силой наступил на топор, вонзая его через грудину в грудную клетку мужчины.

Вся последовательность заняла менее десяти секунд. Только тогда он удосужился взглянуть на Иви и ее похитителя. Поскольку они стояли так близко друг к другу, ему пришлось ударить их обоих одним и тем же парализатором Знака Аксиий. Геральт осторожно положил Иви на ближайшую скамейку, быстро оценил ее дыхание и тело на наличие сильного кровотечения, а затем поднял разорванную юбку, чтобы прикрыть наготу.

Мясник из Блавикена встал, внимательно осмотрел таверну и заметил то, что ему нужно. Он повернулся спиной к Солу и медленно подошел к бару. Он взял полупустую бутылку виски. В таверне было достаточно света, чтобы он мог видеть свое искаженное отражение в цветном стекле. Он остановился, заметив, что его глаза смотрят на него. Он вернулся к Саулу и перевернул бутылку над головой, намочив свои грязные волосы и одежду. Это заставило убийцу и насильника проснуться от сна, и ведьмак снова «ударил» его другим Аксием.

«Встаньте на колени и вылезайте наружу», — приказал он.

Как только мужчина вышел из таверны, убийца монстров велел ему встать. Он выхватил проволоку из одной из седельных сумок Роуча, связал ему лодыжки и запястья, а затем «вывел» его из оглушенного состояния.

— Я оставил тебя напоследок, — начал ведьмак. «Я мог бы убить тебя, пока ты все еще оглушен, и ты бы почти ничего не почувствовал. Я мог бы даже убить тебя очень быстро прямо сейчас. Оторви тебе голову, и ты умрешь прежде, чем твое тело упадет на землю».

Белый Волк внезапно почувствовал запах мочи и увидел, что напуганный мужчина мочится.

«Но в этом нет никакой справедливости. Справедливость в том, что ты чувствуешь ту же боль, мучения и... страх, которые ты причинил Иви и который, я не сомневаюсь, ты внушил бесчисленному количеству других на протяжении своей несчастной жизни. .» Ведьмак

остановился и пристально посмотрел мужчине в глаза. «Итак, пожни это... и сожги, кусок грязи».

Убийца монстров бросил на связанного Знак Игни. Когда его одежда и кожа вспыхнули, как костер, его крики агонии эхом разнеслись по горам.

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3410505>